

Научная статья

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624

УДК 821.161.1

Из Кызыла в Париж: геопэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина)

И.Б. Ничипоров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена обсуждению современного литературного материала – романа Р. Сенчина «Дождь в Париже» (2018) как явления реалистической прозы. Рассмотрены черты «романа о поколении», разнообразная геопэтика произведения, его региональные дискурсы, соединяющие далекие пространственные и социоисторические планы – от города Кызыла в Туве до близкого к границе с Украиной воронежского Боброва, Эстонии и Парижа, дни пребывания в котором сопряжены для центрального персонажа с процессом мучительного самоосмысления и переоценки ценностей. Прослежена связь геопэтики с изображением сознания центрального персонажа и смены исторических эпох. В поле художественного зрения автора романа попадают тектонические сдвиги 1980–2010-х гг. как в пространстве личных судеб 40-летнего «героя времени» и его сверстников, так и в сфере общественной жизни.

Ключевые слова: современная русская литература; психологический роман; геопэтика; герой времени

Введение

Произведения Романа Сенчина стали примечательным явлением современной реалистической прозы. Изображение психологии персонажей, их путей в контексте процессов общественной жизни художественно соотнесены здесь с осмыслением региональных дискурсов, которые составляют географически и культурно дифференцированное полотно эпохи (романы «Елтышевы», 2009, «Зона затопления», 2015, «Дождь в Париже», 2018; повести «Зима», 2012, «Ждем до восьми», 2013 и др.).

© Ничипоров И.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Обсуждение

В свежем романе «Дождь в Париже» картина мира прорисована в призме судьбы перешагнувшего 40-летний рубеж Андрея Топкина, коллизий его семейной жизни, воспоминаний и несбывшихся надежд. Роман о «поколении родившихся в 60-х – первой половине 70-х» годов XX в. [3], насыщенный «знаковыми для поколения символами и предметами недавнего прошлого» [2], основан на взаимодействии в сознании персонажа и его современников далеких пространственных и социоисторических планов – от города детства и юности Кызыла до воронежского Боброва, Эстонии и, наконец, Парижа, пятидневное туристическое пребывание в котором в октябре 2014 г. имеет для писателя автобиографический подтекст [5] и служит в произведении отправной точкой для «ревизии жизни... через воспоминания... через осадки, через безнадегу, холод и отчаяние» [4].

«Рубежное» самоощущение центрального персонажа, которому «в прошлом августе... исполнилось сорок лет»¹, задает тон ретроспективно направленному романному повествованию, его рефлексии о непрочности семейных привязанностей, о «*рассеченности*» *собственной истории несхожими и враждующими* между собой пространствами. Хотя родился Топкин недалеко от Благовещенска, именно с Тувой, Кызылом, где прошли его школьные и студенческие годы, у него «связаны первые ощущения себя как части огромного мира», интуиции, что переезжающие отсюда друзья и знакомые «будто исчезают, гибнут где-то в огромной стране». Переживание возможного отъезда как невозполнимой душевной потери, утраты почвы внутренней жизни становится все более осознанным на фоне мучительно назревшего переезда в Эстонию его родителей, добившихся гражданства «по праву происхождения» и поселившихся там «на русском пяточке». Губительный для семьи Топкина отъезд третьей жены Алины с сыном в Воронежскую область вызывает в нем восприятие себя в качестве *заложника распадающегося жизненного пространства*, усугубляет противоречие между этически заряженным неприятием переезда, «заземлением», доходящим до «твердой правоты одиночества... ощущением дома, который нельзя предать» [2], – и признанием, что «логически – переезд нужен», тягостным пониманием того, что сын Данька стал теперь необратимо отчужденным от него «шестилетним жителем города Боброва Воронежской области». *Лейтмотивная в романе ситуация «распутья» между Тувой, Бобровым, Тарту обретает не только психологический, но и социокультурный смысл*, а травмирующий героя просмотр «репортажей из митингующего Киева» под Новый 2014 год косвенно побуждает его к бегству за пределы «сталкивающихся» пространств, – и он «действительно сорвался – взял и полетел в Париж».

Географическое удаление от рутинной повседневности активизирует у героя Сенчина внутреннюю работу на пересечении стихийных блужданий

¹ Текст романа Р. Сенчина «Дождь в Париже» приводится по электронному ресурсу. URL: <http://e-libra.su/read/471642-dozhd-v-parizhe.html>

в лабиринтах памяти и аналитических усилий, нацеленных на самоидентификацию в «ненадежном» пространстве личной и общественной жизни. По приезде в Париж он «все глубже погружался в дрему, наполненную прошлым: воспоминаниями о давнем и вроде бы сейчас, здесь, в парижском отеле “Альтона”, совершенно ненужном». В его «реконструкциях» 1980-х годов с 30-летней дистанции обнажаются зияющие провалы упущенных лет и возможностей для него самого, его семьи и страны. Из элементов городского «текста» Кызыла, погруженного в сферу архаической и новейшей мифологии, формируется многоцветная мозаика современности, где «столица Республики Тува, центр Азии, заменяет и оттеняет столицу Европы и культурного мира... личная история Топкина накладывается на историю территории последних тридцати лет, с ее логистикой, экономикой, социальным и национальным вопросами» [2].

Кызыл 1980-х гг. отпечатался в памяти героя романа своей жестокой молодежной средой, деструктивным соперничеством разных кварталов и частей города, нескончаемым разделом территорий между «правобережными» и «левобережными», в пылу которого «парни переубивали друг друга», что предвещало еще более катастрофические межнациональные конфликты и в недалекой перспективе распад незыблемого, как казалось, геополитического пространства. Через поврежденное мировидение 13-летних подростков обнаруживались трещины в общественной жизни 80–90-х гг. XX в., когда вроде бы «повеяло свежестью, бодростью», но одновременно «привычный мир стал рушиться»; под влиянием смутных и официально не подтвержденных известий об Афганистане, Чернобыле началось непредвиденное и болезненное смещение «географии» общественного кругозора, когда «уже в газетах стали писать, по телевизору заговорили о кровавых боях в Афганистане, десятках и десятках убитых. Названия городов Кабул, Кандагар, Герат звучали чаще, чем советские Новосибирск, Минск, Владивосток...». Юношеские впечатления Топкина тех лет перекликались с родительскими переживаниями, тревогами и мрачными предчувствиями отца – кадрового советского офицера, с созерцанием пустых, а затем внезапно заполнившихся полок магазинов, с вестями о том, что «войны вспыхивали почти во всех республиках развалившегося Союза», выводили к горькому заключению о том, что полученный по окончании истфила диплом о высшем образовании в 1990-е гг. «казался бессмысленным и лишним»...

Синдром «выброшенности» на обочину жизни рождается у героя Сенчина и его сверстников из возникшего в юности опыта пребывания в «зыбком» пространстве, «на территории еще формально существовавшего СССР», под неминуемой угрозой «скорого развала всего и вся», в «ненадежном» времени, когда «каждый день приносил новые известия, демонстрировал новые трещины на теле страны. Трещала и связь маленькой Тувы, где жила его семья, не только с явно обветшавшим до последней степени Советским Союзом, но и с Россией». Красноречивыми знаками прогрессирующей на рубеже веков деформации и маргинализации пространства Кызыла, его придавленности

мощью «нереализованного грандиозного проекта», становятся запустение и снос «нового автовокзала», обеспечивавшего сообщение с другими городами и областями, и особенно помпезно объявленное, но так и не состоявшееся строительство железной дороги в Туву. В восприятии персонажа Сенчина *мучительные парадоксы современности, характерная для нее ремифологизация прошлого* запечатлелись и в сооружении большого православного собора в условиях массового отъезда из региона русского населения – в сочетании с «обоснованным» тувинскими историками и допущенным «федеральным центром» присвоением новому спорткомплексу имени «военачальника из армии Чингисхана, потом Батгья», стремительно возведенного в ранг «великого полководца» и национального героя. Раздумья Топкина о драматичных на сломе эпох *отношениях человека с неувовимо трансформирующейся стихией исторического времени* получают геопоэтическое воплощение в созерцании им Енисея и воспоминаниях о разрушительных вторжениях реки в людские судьбы: «С детства Андрей знал, что Енисей опасен, купаться можно только в заводях, затончиках. Часто люди тонули по совершенно непонятым причинам: плескается, фыркает и – раз! – исчезает. Кого-то находили потом много ниже по течению, а большинство пропадало бесследно. То и дело зимой по городу прокатывалась новость – опять кто-то провалился под лед, а это неминуемая смерть: вода сразу хватает и утягивает. Вроде мороз победил реку, сковал, завалил торосами; на самом же деле течение снизу слизывает лед, стирает, будто наждак стальную плиту, и вот ступаешь на такой стертый пяточок – и тебя нет. Булькнет черная вода, а через десять минут мороз затянет полынью новым слоем льда, будет его растить, река же, наоборот, слизывать, соскребать... Летом ослабевших пловцов утягивало под плоты...»

Изображение незадавшейся семейной жизни героя, которая напомнила одному из рецензентов драму Обломова (Штольц «распадается на трех женских персонажей» [2]), историй его трех распавшихся браков сопряжено с частными несовпадениями жизненных ритмов в семье и вместе с тем оказывается производным от меняющегося отклика Топкина на атмосферу «снаружи, за дверью...», где «было не то чтобы очень опасно – волна межнациональных напрягов и пацанских разборок пошла на спад, – а неуютно... Нет, не то... Уютно и раньше особенно не было, но какая-то сила выталкивала его туда, на улицу, заставляла непонятно что искать, узнавать, открывать. А теперь эта сила исчезла. Открытия, как ему казалось, кончились». Рядом с деятельной Ольгой, рвущейся из Кызыла и недоумевающей, «как у них все отстало по сравнению с Новосибирском, Красноярском, Абаканом, даже Минусинском», Топкин «расслабился, разленился... стал превращаться в домашнего мужчичку»; жадная до новых открытий Женечка «все сильнее раздражала, утомляла не только своей энергией, но и тем, что явственно перерастала его». Ее экстенсивное, ускоренно-поверхностное освоение мира контрастировало с пристальным, подчас доходившим до отчаяния вглядыванием героя в искривленные жизненные пути участников сообщества «евангельских христиан», с постижением им *социально-психологического феномена «крайности»*

в непарадном облике Кызыла, где «окраины были реально страшны... Кожзавод стал обиталищем нищих, потерявших всякую надежду», открытием того, что «в их городе есть места, где своя Африка, свое какое-нибудь Сомали». *Присущие современности мифологизация пройденного пути, инерция забытых и нереализованных проектов распространяются на личную жизнь героя*, который после разрыва с Женечкой ощутил, что «те два года отрезало, будто и не было... и Сейфулин, его церковь, чаепития, два с лишним года работы на станке, отпечатывающем фотографии, сразу ушли в прошлое, отрезались памятью».

Разность «пространственных» ориентиров становится камнем преткновения и в третьем браке героя с Алиной. Сближение с Шаталовыми, которые «трудились с утра до ночи» и выглядели в глазах Топкина «осколками настоящего крестьянства», сменяется их выстраданным семейным решением переехать из Тувы «вглубь» России и устроить крепкое хозяйство в воронежском городке Боброве. Примечателен эпизод последнего семейного выезда героя с женой и сыном на живописную тувинскую природу, ознаменовавший *исчерпание утопии слияния с гармонией «естественного» ландшафта*. Впрочем, отвергнутый Топкиным Бобров, олицетворявший для Алины и ее семьи перспективу устойчивой жизни, по прихоти исторических сил в одночасье становится «ненадежным», «окраинным», прифронтовым пространством: «Андрей боялся за сына, находящегося недалеко от войны, в граничащей с Украиной Воронежской области. То, что Бобров – богом и чертом забытый городишко, ничего не значило. Славянск, Краматорск, Дебальцево тоже были такими городишками, а оказались линией фронта. Руины, убитые женщины в халатиках, дети с оторванными руками, трупы мужчин на огородах, сжимающие в руках поливальные шланги... Только удавалось себя успокоить, раздавался звонок жены: привезли людей из-под Луганска – смотреть больно... Михаил записался в ополчение, мама плачет... летают истребители, гул непереносимый...»

«Европейский» вектор обновления себя и своей жизни отчасти ассоциируется в сознании героя с Эстонией, куда переехали родители с сестрой и где «из староверов они за последние годы превратились в настоящих эстонцев». Прогулки с женой по старому Таллину, состоящему «в основном из двухэтажных деревянных домиков, очень похожих на те, что еще уцелели в центральной части Кызыла», недоумение от экспозиции Музея оккупаций, куда, казалось, «жители снесли... все, что у них осталось от недавнего прошлого», посещение родительского дома в Тарту, неловкие и по-военному категоричные предложения отца сделать выбор в пользу Эстонии, Шенгена и евро, а никак не России, обреченной, по его мысли, стать Афганистаном и «новым Ираком», – внушают герою романа ощущение иллюзии Европы, заставляют отталкиваться от исподволь поразившего близких людей соблазна мимикрии под эфемерные «нормы» европейской цивилизации.

Воплощением мечты позднесоветского детства о «лучшем городе мира» выступает для центрального героя Париж, пригрезившийся ему когда-то на

прогулке с родителями в городском парке Кызыла в мелодии «нежной, какой-то юной песни» о «шанз-элизе» – «и вот спустя почти сорок лет он вот-вот увидит этот лучший город в мире, лучшую улицу в лучшем городе – Шанз-Элизе, Елисейские Поля». Для сорокалетнего Топкина детское катание на карусели, когда «десяток секунд разрастались до целого путешествия сквозь Вселенную», трансформируется в поспешную, продиктованную «странной боязнью» не увидеть Париж из-за санкций поездку во французскую столицу, где, как ему верится, удастся остановить девальвацию прошлых увлечений, а потому «скорей надо все увидеть, почувствовать... каждую минуту надо использовать».

Встреча с холодным дождливым Парижем конца октября с самого начала оборачивается скитанием среди миражей, попытками разглядеть Нотр-Дам сквозь мутное от дождя автобусное стекло, разочарованием от того, что «даже в голову прийти не могло, что в Париже возможна плохая погода». По мере истечения времени пребывания в вожделенном городе все более надрывными становятся безуспешные попытки героя наметить и осуществить маршруты своих передвижений. Сокровенная потребность обрести надежду на выпрямление жизненного пути, «со стороны» увидеть, как «он – бодрый, свежий, хоть на время помолодевший – топает по Парижу», проступает в настойчиво звучащих в нем императивах о том, что непременно «надо идти, добраться до Опера», «нельзя пропустить» Лувр, Орсе, «где импрессионисты», с репродукциями полотен которых ассоциировались его первые эстетические переживания, «да, обязательно надо пройти от Лувра до Триумфальной арки...», «Версаль пропустил...», «добраться, сделать хоть что-то за эти дни. Хоть что-то увидеть...», «а сейчас – Сакре-Кер», «посмотреть Париж. Хоть кусок увидеть. Вдохнуть...»

На время возвращая герою вкус к творческому поиску, Париж пробуждает в нем и мучительные ретроспекции прошлых поражений, когда «лезет и лезет, всплывает, вспучивается, словно еще одна, повторная жизнь, давно пережитое», манит его иллюзией легкого нахождения источников уюта и тепла в дождливом мире... Герой романа плутает по Парижу в поисках осуществления мифа о «празднике, который всегда с тобой», в прельщении «разноцветными лампочками, витринами, шумом», сквозящим из супермаркета «ароматным теплом», тешит себя подобием доверительного общения с хозяином погребка «на каком-никаком, но русском языке». Однако острота социального зренья заставляет его распознавать схожие приметы во французских и тувинских городских пейзажах («дома были красивые, но похожие один на другой сильнее, чем наши хрущевки»), отмечать знакомую по Кызылу «окраинность» неблагополучных кварталов на Монмартре, в улочках которого «Сакре-Кер исчез. Стало тихо, тревожно. Сразу навалилась ночь». Даже обозреваемый с высоты собора Сакре-Кер мегаполис показался Топкину «неожиданно плоским, словно придавленным к земле гигантской ладонью. Возвышались лишь Эйфелева башня и одинокий небоскреб» – и вызвал проблеск ностальгического «воспоминания об огоньках Кызыла». Резкая смена пространственных

впечатлений, недоумение от того, как «Лувр открылся неожиданно» и вопреки ожиданиям показался «каким-то бездушным, мертвым», вызывает в герое скептически-отстраненный взгляд на себя, который «потрусил в сторону Елисейских Полей» и «до сих пор не ощутил, что Париж – лучший город на свете». Досада «на себя, так пусто проводящего время в городе, о котором мечтал с детства, на это бессилие... на усталость, груз воспоминаний, дождь» искусственно приглушается алкогольным отягощением, попыткой оправдать отчаянные возвращения в гостиничный номер тем, что и это замкнутое пространство «тоже Париж. Самый настоящий». В «отельчике у подножия Монмартра», где в пьяной расслабленности он «готов был выть» по утраченному прошлому, перед ним обнажается обратная сторона памяти – как «непроглядной ямы, в которую провалились четырнадцать лет его жизни»...

Заключение

Разнообразная – от Восточной Сибири до Западной Европы – геопоэтика романа Р. Сенчина «Дождь в Париже» отразила масштабную эпическую панораму и социальную мифологию порубежной эпохи, в интерьере которой выведен сорокалетний герой времени, переживающий экзистенциальный кризис и личную травматизацию, распадающимся пространством индивидуальной, семейной, общественно-политической жизни. До конца не вербализованный постимперский синдром, давние мечты советского подростка о Европе оборачиваются в его сознании утопическими поисками тотального душевного единства и полного сживания с созвучными пространствами – от Кызыла, природного мира Тувы до заветного Парижа. Упование на спасительную силу пространств как таковых приоткрывает недостаточность духовной жизни героя, пронизательно и честно размышляющего о своей беспочвенности, но пока не обретающего сил для ее преодоления.

Список литературы

- [1] Сенчин Р. Дождь в Париже. URL: <http://e-libra.su/read/471642-dozhd-v-parizhe.html>
- [2] Колобродов А. Донкихоты советского образа. О книге Романа Сенчина. URL: <http://textura.club/o-dozhde-v-parizhe/>
- [3] Кучер К. Какой он, герой нашего времени? Книга Романа Сенчина «Дождь в Париже». URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/94740/>
- [4] Рудалев А. Возможность чуда. URL: <https://lgz.ru/article/-10-6634-7-03-2018/vozmozhnost-chuda/>
- [5] Роман Сенчин: «Каждый человек должен что-то писать»: интервью. URL: [североиздательство.pf/news/2955.html](http://severoizdatelstvo.pf/news/2955.html)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 сентября 2019

Дата принятия к печати: 06 октября 2019

Для цитирования:

Ничипоров И.Б. Из Кызыла в Париж: геопоэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 616–624. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

Сведения об авторе:

Ничипоров Илья Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: il-boris@yandex.ru

Research article

**From Kyzyl to Paris:
the geopoetics of the modern psychological novel
("Rain in Paris" by R. Senchin)**

Илья В. Nichiporov

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the discussion of modern literary material – R. Senchin’s novel “Rain in Paris” (2018) as a phenomenon of realistic prose. Considered the features of the “novel of a generation”, a variety of geopoetics works, its regional discourses, connecting the distant spatial and sociohistorical plans – from Kyzyl, city of Tuva, to close to the border with Ukraine Bobrov in Voronezh Oblast, Estonia and Paris, the days of being in which involve the central character into the painful process of self-reflection and reappraisal. Connection of geopoetics with the image of consciousness of the central character and change of historical epochs is traced. In the field of artistic vision of the author of the novel fall tectonic shifts of the 1980s–2010s both in the space of the personal fate of the 40-year-old “hero of time” and his peers, and in the sphere of public life.

Keywords: modern Russian literature; psychological novel; geopoetics; hero of the time

References

- [1] Senchin R. *Dozhd' v Parizhe*. <http://e-libra.su/read/471642-dozhd-v-parizhe.html>
- [2] Kolobrodov A. *Donkihoty sovetskogo obraza. O knige Romana Senchina*. <http://textura.club/o-dozhde-v-parizhe/>
- [3] Kucher K. *Kakoj on, geroy nashego vremeni? Kniga Romana Senchina "Dozhd' v Parizhe"*. <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/94740/>
- [4] Rudalev A. *Vozmozhnost' chuda*. <https://lgz.ru/article/-10-6634-7-03-2018/vozmozhnost-chuda/>

- [5] Roman Senchin: “*Kazhdyj chelovek dolzhen chto-to pisat*’”: interview. url: северноеиздательство.рф/news/2955.html

Article history:

Received: 23 September 2019

Revised: 26 September 2019

Accepted: 06 October 2019

For citation:

Nichiporov I.B. (2019). From Kyzyl to Paris: the geopoetics of the modern psychological novel (“Rain in Paris” by R. Senchin). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 616–624. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

Bio note:

Ilya B. Nichiporov, Doctor habil., Professor of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: il-boris@yandex.ru